

Лучшие
Дорамы

남씨가 좋으면

찾아가겠습니다

Ли Доу

Я приду,
когда будет
хорошая погода

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.531-31(519.5)

ББК 84(5Кор)-44

Д71

이도우 저
날씨가 좋으면 찾아가겠어요
I'LL FIND YOU ON A BEAUTIFUL DAY
LEE DO WOO

Печатается с разрешения Sigongsa Co., Ltd.,
действующие через агентства Youbook Agency (Китай)
и Nova Littera SIA.

Доу, Ли.

Д71 Я приду, когда будет хорошая погода / Ли Доу; перевод
с корейского П.А. Галингер. — Москва : Издательство АСТ,
2024. — 448 с. — (Лучшие драмы).

ISBN 978-5-17-132807-8

После конфликта с руководством молодая учительница рисования Мок Хэвон возвращается из шумного Сеула в деревню, где она провела несколько лет в старшей школе и где живет ее тета, и пытается переосмыслить жизнь. После яркого и насыщенного города заснеженные улочки кажутся тихими и уютными, а жизнь — размеренной и безмятежной.

В стремлении найти новую себя девушка пытается отремонтировать гостевой дом, которым владеет родственница, но он, кажется, не подлежит восстановлению. Во время одной из прогулок Хэвон наткнется на книжный магазин. Оказывается, им управляет Лим Ынсоп, ее сосед и одноклассник, который ходил в одну с ней школу и с которым она изредка перебрасывалась парой слов.

Пытаясь обрести настоящих себя, найти свой путь и исцелить раны, Хэвон и Ынсоп становятся друзьями... А может, не только друзьями?

УДК 821.531-31(519.5)

ББК 84(5Кор)-44

ISBN 978-5-17-132807-8

날씨가 좋으면 찾아가겠어요
(I'll Find You on a Beautiful Day)

by Lee Do Woo

Copyright © 2018 by Lee Do Woo

All rights reserved.

First published in Korea in 2018 by Sigongsa Co., Ltd.

Russian translation copyright © 2022 by AST

Publishers Ltd.

© Галингер П.А., перевод на русский язык, 2022

ГЛАВА 1

Дом «Трецкий орех»

Автобус проезжал мимо покрытых инеем полей Хечхон-ыша, окруженных горами. Солнечный свет был слабым, и пейзаж за окном выглядел почти ахроматическим, как на старой пленочной фотографии.

Хэвон выключила смартфон, в который смотрела, прислонившись к окну автобуса. В новостях писали, что в пустыне Сахара выпал снег. Белые песчаные дюны — нет, снежные холмы, которые появлялись на экране, поражали, а само выпадение снега в пустыне не было удивительным. Эта зима выдалась особенно морозной.

Автобус приближался к деревне Пукхён-ри, проезжая мимо замерзших рисовых поленьев, на которых лежали большие белые «маршмеллоу». Цилиндры для сбраживания соломы, оставшейся после сбора урожая риса. Как же они называются на самом деле? Кажется, она когда-то слышала их название, но сейчас никак не могла его вспомнить. Хэвон еще мгновение смотрела на них, а потом перевела взгляд на виднеющийся вдалеке на рисовых полях каток. На следующей остановке ей выходить.

Проснувшись на рассвете несколько дней назад, Хэвон чуть не расплакалась. Негоже грустить или плакать без причины — это признак слабости. Ей это не нравилось: словно она какая-то сентиментальная полуночица. Нет, само выражение «грустить без причины» неверно.

Если положить руку на сердце и заглянуть глубоко в себя, то, по правде говоря, причина известна. Просто нет желания в ней признаваться. И, чтобы не обращать на нее внимания, остается только делать вид, что не знаешь.

Хэвон закончила университет искусств и преподавала на подготовительных курсах к нему. Когда она рисовала, запутанные мысли покидали ее, и на душе становилось спокойно. Ей нравились запахи краски и текстура бумаги. Однако в какой-то момент она поняла, что с помощью рисования тоже можно вести войну.

— Что ты здесь делаешь? Я ведь поправляю твой рисунок.

Это случилось прошлой осенью. Ученик отпросился в туалет, и его очень долго не было. Она пошла искать его и нашла на крыше, где он курил с другими подростками. Увидев Хэвон, он раздраженно бросил:

— Просто исправьте сами!

Это чужая работа, но, если учитель исправит рисунок недобросовестному ученику и он станет чуть лучше, тому будет все равно. Однажды она услышала, как парень, пришедший на конкурс рисунков, рассказывал своим друзьям:

— У меня никак не получался рисунок. И я так разозлился, что просто закрасил обратную сторону черной пастелью. А вот мой сосед очень хорошо справился. Я сдавал работу сразу за ним, поэтому, положив свой рисунок поверх его, незаметно потерял его.

— Вау, должно быть, пастель перепачкала его рисунок?

— Ну конечно!

Сама того не сознавая, Хэвон подошла к группе громко хохотавших детей:

— Что ты сказал сейчас? Что ты сделал, когда сдавал работу?

Парень оглянулся с удивленным выражением лица, а затем повторил с гордой улыбкой:

— Я закрасил обратную сторону черной пастелью и запачкал рисунок, который лежал снизу.

Хэвон вышла из автобуса на остановке у поворота к деревне Пукхён-ри. Дул холодный ветер. Она запахнула воротник пальто, поправила шарф, подняла чемодан и продолжила свой путь.

Шум с катка на рисовом поле нарушил зимнюю тишину. Каждый год примерно в это время вода, которой заливают рисовые поля после сбора урожая, превращается в лед. Увидев каток, который служил в Пукхён-ри детской площадкой, и марשמеллоу на поле, она поняла, что наконец вернулась.

Поднимаясь по холму, девушка остановилась, заметив незнакомую вывеску: **Книжный магазин «Гуднайт»**.

Старый черепичный дом стоял в этой деревне очень давно, но сейчас ее внимание привлекла новая вывеска. Раньше здесь жила пожилая пара. Вероятно, сменился владелец?

«Книжный магазин у нас в деревне?»

На раздвижной двери висел замок. Хэвон заглянула сквозь решетку в тускло освещенную комнату. Внутри под мягким солнечным светом, падающим через окно, можно было различить книжный шкаф и длинный стол. Кто бы это ни придумал, попытка ему удалась: здесь есть какая-то атмосфера. Даже в Сеуле районные книжные магазины не выживают. Хотя небольшие независимые книжные иногда появляются как нишевый рынок, их владельцам все равно приходится туговато.

Ей почему-то стало стыдно за мысли, что такой магазин не продержится здесь долго. И Хэвон продолжила подниматься по холму, придержививая рукой спутанные на ветру волосы.

Она шла по дороге с большим чемоданом и экосумкой на плече.

Мок Хэвон?

Ынсоп на мгновение потерял концентрацию и споткнулся, едва дойдя до края катка. Он закрыл и снова открыл глаза. Да, это она. Он думал, что и в этом году она не приедет.

— Дядя, ты больше не будешь кататься? — скользя по льду, Сынхо догнал его и остановился рядом.

— Нет, просто кое-кто проходил мимо.

— Кто?

Ынсоп посмотрел на мальчика. После того как в течение нескольких дней он, держа племянника за руки, учил его кататься на коньках, даже такой неспортивный ребенок теперь уверенно держался на льду.

— Мой давний... друг.

— Друг?

— Все, пошли дальше кататься!

Ынсоп постучал по надетому на шерстяную шапку шлему Сынхо и подтолкнул мальчика вперед по льду. невысокий и миниатюрный, девятилетний ребенок не ладил со сверстниками. Он заскользил вперед, стараясь не натолкнуться на кружащих по льду людей.

Друг.

А считает ли она так же? Можно ли всех своих одноклассников из средней и старшей школы называть друзьями? Он видел, как Хэвон остановилась перед книжным и заглянула в окно, слегка наклонившись вперед, словно ей было любопытно узнать, что за новый магазин здесь появился.

Ынсоп тихонько простонал. Книжный магазин сейчас закрыт. Все из-за дяди, который перед заморозками заливает рисовое поле водой, а зимой продает в теплице рыбный суп и ттокпокки*. Он-то и попросил Ынсопа помочь на катке из-за нехватки рабочих рук. В самом деле,

* Рисовые клецки в остром соусе.

владелец рисового поля, старающийся собрать двойной урожай!

Жаль, что он не может просто переместиться в пространстве. Он бы открыл перед ней раздвижную дверь и сказал: «Добро пожаловать. Давно не виделись!»

Девушка снова взяла чемодан и направилась дальше по холму.

На дороге, ведущей к гостевому дому «Грецкий орех», все еще лежал нерастаявший снег. Здесь деревенская тропа вела на ближайшую гору. Когда-то давно это был гостевой дом «Пукхён», которым владела ее бабушка, но, когда Хэвон было пятнадцать лет, его унаследовала тетя Мёнё, и они вместе переехали сюда.

Женщина взяла у соседей коричневую собаку, которую называли Грецкий Орех. Она хотела, чтобы ее племянница привязалась к деревне. Пес уже тогда был довольно взрослый, но прожил долго и умер всего несколько лет назад. Грецкого Ореха больше нет, а название дома сохранилось.

— Тетя, я приехала.

Промерзшая деревянная терраса внутреннего дворика скрипнула под ногами. Затем раздался скрип железной входной двери с полупрозрачным стеклом. Она не увидела тетю, даже когда, взяв сумку, поднялась по лестнице на второй этаж.

Комната Хэвон, в которой она жила подростком, нисколько не изменилась. Кровать, письменный стол, комод и двухмодульный шкаф. Красный диван, который ей подарили на выпускной. Все ее вещи так же остались нетронутыми. Мёнё хотела сохранить комнату к приезду племянницы в прежнем виде, хотя Хэвон несколько раз и предлагала убрать вещи в коробки и отнести их в кладовую: сложно все время стирать с них пыль.

Она отдернула занавеску и выглянула в окно. Одноэтажная кирпичная пристройка для гостей, плющ, опавшие

листья, виноградные лозы и тропа, ведущая на гору, — все было прежним. Соседний дом, который стоял так близко, что, если сбросить плоды с дерева, они упадут во двор этого дома, тоже не изменился. Просто все выглядело старше, чем тогда, когда она приезжала в прошлый раз.

Ее внимание привлекли два новых здания, возвышающихся с другой стороны холма. Эти великолепные двухэтажные дома были гостевыми. Она негромко вздохнула. Дом «Грецкий орех» не пользовался популярностью. Вот и сейчас постояльцев не было — поэтому тети и нет дома.

На кухне она нашла чайник и заварила черный кофе. На полке над раковиной стояла фотография Хэвон, обнимающей Грецкий Орех. Сколько ей тогда было, восемнадцать? В угол кадра попала спина старушки, поливающей цветочное дерево во дворе.

Пока бабушка не скончалась, ореховый дом, в котором жили три женщины, напоминал треугольник. Мирный треугольник... Тесноватый, но зато стабильный. Они заботились друг о друге и старались не ссориться, когда одна из них была не в духе. Казалось, что каждая пытается найти свое уютное и безопасное место в не очень большом доме.

Когда с годами руки ослабели, бабушка все чаще использовала для всего подряд ножницы. Если было трудно развязать полиэтиленовый пакет, она разрезала его. Веревку, подвязывающую шпинат, натянула — и чик-чик. Говорила, что руки у нее уже не те. Как же тогда она сломала чандоктэ*? Ее старые железные ножницы до сих пор лежали на полке.

В старости бабушка очень переживала за дочерей. Хотя о своей первой дочери, матери Хэвон, она намеренно не говорила, но порой выражала разочарование второй дочерью, Мёнё. Это была обида, даже скорее печаль.

* Традиционный помост во дворе для чанов с соусами.

Умная и образованная тетя в юности путешествовала по миру, написала и опубликовала книгу. Как однажды все это стало бесполезным. Она сказала, что бросит работу и вернется в родной город, будет жить в гостевом доме. Бабушке это не понравилось.

Скрипнула входная дверь, послышался лай собаки. Хэвон вздрогнула. Грецкий Орех?.. Коричневый пес, простучавший лапами по полу, был очень похож на него. Он подозрительно наморщил нос и обнюхал незнакомку.

— Хэвон, это ты?

Тетя Мёнё повесила вязаную шапку на вешалку. Она прошла на кухню, поставила на стол завернутую в платок кастрюлю и улыбнулась племяннице.

— Я только что приехала. Кто это?

— Сын Грецкого Ореха.

— У Грецкого Ореха были дети?

— Еще до того, как мы переехали сюда, родились щенки. Хозяин умер, и я забрала его.

Было странно слышать, что коричневый пес, который перестал обнюхивать ее и ушел на террасу, — сын Грецкого Ореха.

— Как его зовут?

— Печеный Каштан.

Хэвон засмеялась:

— Семья орехов.

Он уже выглядел старым и немного прихрамывал на одну лапу.

— Если заскучаешь, бери с собой собачку.

— Приятно видеть, что он похож на Грецкого Ореха.

Мёнё угукнула и развернула ткань, накрывавшую кастрюлю.

Кажется, она уже забыла, как трудно ей было смириться со смертью Грецкого Ореха. Хэвон не стала напоминать об этом тете. Вместо этого она указала на фотографию на полке: